

ВМЕСТО ИСПОВЕДИ

Иегуди Менухин, великий скрипач и дирижер, не раз бывавший в нашей стране, — один из самых известных и самых скромных людей этого мира. Старый маэстро дал интервью корреспонденту парижского журнала «Пари-матч». Вот уже сорок семь лет спутницей жизни великого музыканта является Диана, его жена с 19 октября 1947 года. Она посвятила мужу всю свою жизнь. Потому, как видно из интервью, и он обязан ей немалым — Диана до сих пор помогает ему познать себя, увидеть себя со стороны... Впрочем, не только о семейной жизни спрашивал Менухина корреспондент. Интервью словно бы воссоздает портрет гения — с детства до прекрасной и плодотворной старости.

Иегуди Менухин, канатоходец и странствующий монах



— Вы сделали ослепительную карьеру. Какой ценой она вам досталась?

— Нельзя же постоянно проявлять лучшее в самом себе так, чтобы никто этого не заметил. Что касается музыки, то, к несчастью, у меня не было возможностей развить другие свои интересы. Я бы, между прочим, с удовольствием писал картины... У меня была жизнь моряка. Я постоянно отсутствовал. Я не уделял даже своей семье время, которое должен был посвящать ей. Все это брало на себя моя жена. Я вовсе не сожалею. Просто констатирую. Если бы я стал сожалеть обо всем, чего не успел сделать, это было бы тяжело.

— Является ли для вас искусством сама жизнь или вы ставите музыку превыше всего?

— Жизнь — это искусство, но такое, которому не обучают в школе. Нужно учиться уважать ее. Нас учат предсудкам, ненависти, зависти. Мы живем в эпоху, когда средства коммуникации переживают стремительное развитие, а связи между индивидуумами скудеют и скудеют. Что делать?

— Ваша жизнь прошла в интерпретации чужой музыки. Не задевает ли вас, что вы сами не стали композитором?

— Нет, потому что то, что я мог бы сочинить, не имело бы никакой ценности. Дайте мне Вагнера, рок-музыку, современных или старых авторов — я вам интерпретирую что угодно. Это мое ремесло. Я способен влезть в чужую шкуру, безразлично — чью. А вот настоящий композитор на это не способен. Есть нечто такое, что может его взбесить. Его мир весь в нем самом. Он не несет в себе противоречий. Ну а я вот — хамелеон.

— Вы были вундеркиндом. Оглядываясь назад, не испыты-

ваете ли вы ощущения, что у вас украли детство?

— Благодаря моей скрипке я объехал мир, я повидал совсем иную жизнь... В то время один концерт мог дать нам средства на два года вперед. Я не верю, что, родись я сегодня, я мог бы вести такую жизнь. Не надо душить в человеке способность к творчеству. Положите руку на плечо ребенка, который вырос без любви, и все изменится. Я очень верю в образование. Нужно передавать вкус к красивым вещам. К красоте. К работе. К глубинным ценностям. Каждый раз, когда в этом мире умирает ребенок, умирает какая-то маленькая часть каждого из нас. Я никогда не видел, чтобы из моей музыкальной школы вышел человек, ставший потом преступником.

— Как вы относитесь к тому, что символом нынешнего поколения стала Мадонна?

— Я сожалею, что реклама и подобная вульгарность так легко смогли завоевать молодежь. Меня не интересует род подобных феноменов. В своей сути я очень наивен. Моя жена говорила мне, что в числе моих качеств, особенно приятных для нее, когда она меня встретила, было и это — я даже не знал, кто такая Грета Гарбо.

— Вы ведь участвовали в одном рок-концерте!

— Двадцать лет назад. Ансамбль «Роллинг стоунз» очень любезно прислал мне двести билетов для учеников моих школ. Я хотел поблагодарить их лично. Народу было полным-полно. Это было блистательно и действовало на психику угнетающе. Словно они хотели истребить все остальные звуки в мире. Там не была нужна музыка! Я за экономию в искусстве. Мне кажется, что современная музыка — это музыка, создающаяся в лаборатории. Я предпочитаю Моцарта,

который насыщал музыку изысканством своего сердца, или особенно Бетховена, который намного сильнее. Я не уверен, что инструменты могут выразить все богатство человеческой чувствительности. Впрочем, я могу ошибаться...

— Существует ли между музыкантами некая соревновательность, как между исследователями?

— Между музыкантами — не думаю. Между дирижерами — да. Я помню один обед в Милане у дочери Тосканини. Разговор перешел на дирижеров. Тосканини уничтожал всех. Никто не смог снискать его расположения. Я вспомнил Бруно Вальтера, блистательного дирижера. Он не пощадил и его. Дирижеры достигают больших высот. Их окружают льстецы. А в школах не учат, как с ними надо обходиться.

— Случалось ли вам испытывать ревность к другим музыкантам?

— Ревность — нет. Но я всегда с любовью вспоминаю румынского скрипача Джордже Энеску. Я, например, трачу много времени на разучивание текстов. Каждый переход, каждая нота. А Энеску смотрел текст один раз, пробовал его на рояле и потом играл наизусть. Я чувствую нынешнюю тенденцию: играть «кто быстрее». Можно подумать, что это Олимпийские игры! Но чем быстрее играют, тем больше опустошают музыку, при этом, конечно же, совершенствуя технику. Виртуозность такого рода не очень-то ценна.

— Вы ведете весьма аскетичную жизнь. А можно ли быть одновременно и аскетом, и «жуиром»?

— Я противник всяких излишеств. Моя жена всегда говорит, что я жуир, но с моралью. Я всю жизнь занимался йогой.

Я мало ем. Вот уже пятьдесят лет я не ем ни куска сахара, ничего мучного. Я вегетарианец, хотя и не слишком фанатичный. Я занимаюсь дыхательной гимнастикой, максимально использую возможности тела. Каждый день я минуту стою на голове, чтобы кровь лучше циркулировала. Я в этой позе даже дирижировал оркестром. Мне 78 лет, но у меня сердце и душа 20-летнего молодого человека.

— Принято говорить, что музыка успокаивает душу и делает нравы мягче. Но ведь это всего лишь капля в море...

— Да, но это уже целая капля. Я убежден, что музыка может помочь преобразить мир одной лишь своей гармонией. С детства я был уверен, что если буду играть хорошо, то смогу оказать на мир положительное воздействие. Я всегда был и останусь убежденным противником насилия. Я берегу свои иллюзии, даже если кажется, что реальность против меня.

— Однажды вы сказали, что больше всего цените в людях преданность, доходящую до степени жертвенности. Способны ли на это вы сами?

— Люди, способные на это, не испытывая горечи, не требуя ничего взамен, вызывают во мне самое большое восхищение. Но сам я — не знаю... У меня никогда не было такого опыта.

— Известно, что гении редко бывают великодушны. Откуда в вас эта потребность всегда отдавать?

— Мне необходимо отдавать то, что я получил. Мне нравится давать счастье людям, которые меня окружают. Может быть, это более тонкая форма эгоизма.

— Вы еврей, американец, англичанин, швейцарец... Не будем перечислять дальше. Че-

ловеком какой культурной традиции вы больше себя ощущаете?

— Мои первые музыкальные переживания связаны с еврейскими песнями. Я бы назвал себя странствующим монахом без определенной религии. Я вообще против всяких ярлыков, будь они религиозными, политическими или музыкальными. Я прежде всего человек, твердо знающий некие необходимые вещи. Помимо музыки, я стараюсь как можно лучше исполнять свой долг быть человеком. К какой бы национальности я ни принадлежал, люди мне доверяют. И в этом я нахожу огромное удовольствие.

— Вы часто говорили, что Моцарт лучше всего понимал женщин. А вы их понимаете?

— У моих родителей были противоположные характеры: у матери — властный, у отца — очень мягкий. Я знаю, какие слова должен был говорить мой отец, чтобы избежать ссор с матерью и сносно прожить следующие дни. Но сам я никогда этого не умел!

— Что вам помнится в жизни?

— Моя жизнь расцвела, точно дерево. Я вижу те всходы, ветви и листья, которые были посеяны мной в ранние годы. Я прожил необыкновенную жизнь. Я старался действовать, вместо того чтобы искать ответы на одни и те же вопросы. Я старался, быть может, не во всем преуспевая. И я прошел сквозь свою жизнь, как канатоходец в поисках равновесия. Единственное, что печалит меня сегодня, — что я все чаще играю на похоронах моих друзей. Мне 78. И я говорю себе, что смерть, вероятно, где-то недалеко. Мне бы хотелось, чтобы мой прах развеяли над рекой, устроили бы чудесный пикник и танцевали всю ночь.

Подготовил
Д. САВОСИН.

● Иегуди Менухин и Диана.
Фото из журнала
«Пари-матч».